Кероп Магакян

НА СУХУМСКИХ ПАРАХ

(городская быль)

Эту историю лучше было бы рассказать, сидя за столиком верхнего яруса сухумской «Амры». Прошлое здесь особенно хорошо вспоминается. Однажды я поднялся сюда, прихватив с собой распечатанную из интернета фотографию, отснятую на «Амре» более пятидесяти лет тому назад. Даже металлические перила «Амры» с изображением чугунного якоря видны. Правда, не видно чугунных чаек, тоже встроенных в конструкцию перил, и, по сути в пространство, где и без того над головой круглый год летают живые чайки. В этой связи, вспоминается, как один мой знакомый в Крыму купил квартиру, сделал в ней дорогой ремонт и, как говорят, всё обставил. Из окон его спальни открывался вид на знаменитый АЮ-ДАГ (Медведь-гору). Прекрасный был вид, чего же ещё надо... Но знакомый решил усилить впечатление от этого вида и попросил художника нарисовать ему ещё и большую картину с изображением Медведь-горы. Когда картина была готова, он повесил её в спальне над изголовьем кровати, прямо напротив настоящей «Медведь-горы», вид на которую открывался из окна спальни.

— Согласись, что так более гармонично, — обратился он ко мне.

Согласившись, я посоветовал ему для пущей гармонии повесить рядом с картиной ещё и русскую гармонь... Оценив шутку положительно, знакомый рассмеялся. Однако, не будем отвлекаться по мелочам, а лучше ещё раз взглянем на фотоснимок. А на снимке, по обе стороны большой пристани, что напротив «Амры», запечатлены два восточногерманских круизных лайнера — «VOLKERFREUNDSHAFT» на переднем плане и «FRITZ HECKERT» на заднем. Так уж им выпало по расписанию, что в один из дней оба лайнера встретились в сухумской бухте, хотя, как правило, они заходили в нашу бухту не пересекаясь друг с другом. Кто знает, может быть эта редкая фотография была сделан капитаном того теплохода, которому и было суждено выйдя однажды из нашей субтропической гавани, по пути в Гавану, попасть в заваруху больших политических событий. Повторюсь, может быть эту историю лучше было бы рассказать на верхнем ярусе «Амры», которой и самой есть что нам напомнить и о чём рассказать, но кто знает, когда такой случай представится, а если и представится, кто знает, дослушает ли тебя до конца тот, с кем ты окажешься в это время за одним столиком. Возьмёт и перебьёт на полуслове. Иди ищи себе потом другого собеседника. А так никто не перебьёт. В крайнем случае, не дочитает до конца. Может быть человек, прочитав заголовок, настроился совсем на другую историю. Разные люди попадаются. «Всякий бивает...», шутила в таких случаях на моя мама, русская женщина, родом из Украины.

Немецкие суда «FRITZ HECKERT» или «VOLKERFREUNDSHAFT», с туристами на борту, заходили в сухумскую бухту не часто, но, когда заходили, наши зарубежные гости на автобусах уезжали на экскурсию, а капитаны судов выходили просто прогуляться по набережной.

Мой дядя, сухумский адвокат, тоже любил прогуляться по набережной. В то время, он имел немецкую разборную парусную яхточку — швертбот «DELPHIN — 110», которую привёз из ГДР, путешествуя с сухумскими и московскими друзьями на нескольких автомобилях «Волга» ГАЗ-21 по странам социалистического содружества. Изучив малокаботажные возможности своей парусной лодки с помощью время от времени навещающего Абхазию и заходившего к нам домой на чашечку кофе легендарного чемпиона Олимпийских игр по парусному спорту Тимира Пинегина, дядя, знавший немецкий язык, каким-то образом познакомился на набережной с капитанами обоих немецких пассажирских лайнеров, судоходные возможности которых выходили далеко за пределы малого

каботажа. И, когда, какой-либо из двух лайнеров причаливал к сухумской пристани, на площади, носящей сегодня имя второго президента Абхазии Сергея Васильевича Багапш, того или иного капитана зачастую встречал мой дядя, сидевший за рулём 21ой Волги, цвета морской волны, как и было записано в техпаспорте автомобиля. А так как на сиденья Волги были надеты чехлы из парусины, то можно сказать, что цвет автомобиля и его внутренний интерьер создавали для немецких капитанов плавный переход от привычной морской обстановки к возможным береговым неожиданностям.

Автомобиль ГАЗ — 21 был с автоматической коробкой передач (!), а дядя был в сандалиях на босу ногу, правда, не знаю насколько это усиливает сюжет. Возможно, в данном случае не усиливает, но был и другой случай, когда одна реплика со стороны, относительно дядиных сандалий на босу ногу, послужила поводом для корректировки им вступительной части адвокатской речи.

В один из будних дней, после утренней прогулки на своей яхточке, дядя, в сандалиях на босу ногу, отправился на дневное судебное заседание. Когда дело дошло до выступления дяди, судья, увидев, что адвокат собирается выступать в сандалиях на босу ногу, не сдержался и обращаясь к нему сказал:

— Товарищ адвокат! Вы, явившись на судебное заседание в сандалиях на босу ногу проявляете неуважение к суду!

Дав дяде повод для разминки перед основным выступлением, в ответ судья услышал:

— Уважаемый товарищ судья! Если бы моё уважение к суду определялось тем, как я оделся, на некоторые судебные заседания я бы вообще приходил без одежды.

Так вот... Встретившись с каким-либо капитаном, дядя, управлявший автомобилем, каждый раз возил его на Сухумскую гору и они, обозрев бухту с высоты, заезжали потом на чашечку кофе к нам домой на улицу Ленина, 39. Можно предположить, что именно по той причине, что общение дяди с немецкими капитанами происходило на улице, носящей имя Ленина, безобидность их встреч не вызывала сомнений у компетентных органов, призванных по роду своей деятельности обеспечивать такую безобидность. Как бы там ни было, но после встреч с немецкими капитанами, дядю никто, никогда и никуда не вызывал. Скорее всего, товарищи из компетентных органов, зная, что название теплохода «FRITZ HECHERT» это имя

известного немецкого коммуниста, а название «VOLKERFREUNDSHAFT” с немецкого языка переводится как «ДРУЖБА НАРОДОВ», понимали, что немецкие товарищи не назначили бы неблагонадёжных людей капитанами судов с такими названиями. Оправдывая это предположение, как и известную поговорку «Как корабль назовёшь...», пассажирский лайнер «ДРУЖБА НАРОДОВ», однажды, осенним вечером 1962 года отчалив от сухумской пристани благополучно дошёл до берегов Кубы, что в то тревожное время, в связи с Карибским кризисом, было практически невозможно.

А осенью 1962 года, немецкий лайнер «ДРУЖБА НАРОДОВ» бросил якорь в сухумской бухте, после чего капитан, завершив все необходимые процедуры, в том числе и связанные с пограничным контролем, спустился по трапу и вышел на набережную. Убедившись в том, что на этот раз дядя его не встречает, капитан, неплохо ориентируясь в окрестностях, решил пройтись до дома своего приятеля и пошёл по набережной в сторону гостиницы «Абхазия», свернув потом налево на улицу Ленина. Капитан, конечно, не знал, что дядя несколько дней тому назад уехал в Москву навестить своих московских друзей, с некоторыми из которых учился в середине сороковых годов в институте. Со слов дяди, его сокурсником по Всесоюзному юридическому заочному институту был будущий советский разведчик Конон Молодый, и, как сокурсник будущего разведчика, дядя, скорее всего, был в курсе различного рода приёмов конспирации, однако при встречах с капитанами никогда их не применял. А в семидесятых годах, к дяде домой пришёл ещё один интересный человек, получая информацию (или дезинформацию) от которого, различные «голоса», пробивавшиеся через глушилки из радиоприёмников до нас в те времена, предвосхищали последующий комментарий словами: «как стало нам известно из хорошо осведомлённого источника...». Этот человек, хотя и шёл по жизни особым путём, но к дяде пришёл тем же, образно говоря, «ленинским путём», что и капитан теплохода «ДРУЖБА НАРОДОВ», свернувший с набережной на улицу Ленина. Звали этого человека Виктор Луи. В 2009 году о нём был снят российский художественный фильм под названием «Осведомлённый источник в Москве». Когда в семидесятых годах Виктор Луи решил построить себе дом на сухумском побережье, то в качестве юриста по жилищным вопросам дядю ему порекомендовал один из московских дядиных друзей — бородатый искусствовед, преподававший историю искусств и историю костюма в Щукинском театральном училище — Борис Ионыч Бродский, фотография которого в турецкой феске и с надписью «ПАПА» появляется в кадре фильма «Двенадцать стульев» режиссёра Марка

Захарова как раз в тот момент, когда Бендер говорит о том, что его папа был турецкоподданный. Интересно, что сначала к дяде, как к адвокату, пришёл не сам Виктор Луи, а внешне похожий на него человек, представившийся Виктором Луи. Они поговорили, выпили кофе и тот ушёл. А через день, «выйдя из конспирации», к дяде пришёл уже сам Виктор Луи. Они тоже поговорили, тоже выпили кофе, но после разговора с Виктором Луи дядя порекомендовал ему другого сухумского адвоката. Последовав совету дяди, Виктор Луи познакомился с другим сухумским адвокатом и вскоре построил себе красивый и современный по тем временам дом в районе Маяка у самого моря и с бассейном во дворе. Говорили, что этот бассейн каким-то образом наполнялся морской водой, что отчасти напоминает порыв моего крымского знакомого с его картиной «Медведь-гора», усиливающей, по его мнению, впечатление от настоящей «Медведь-горы», вид на которую открывался из спальни знакомого.

Я никогда не спрашивал у дяди, почему он не взялся посодействовать Виктору Луи в его деле. Возможно, дядя посчитал, что осведомлённость источника, на которую тогда ссылались различные «голоса», не всегда предполагала точность переданной этим источником информации, и здесь, Виктор Луи, набив в этом деле руку, мог по инерции передать адвокату искажённую информацию о некоторых деталях, искажение которых могло в свою очередь повлиять на дальнейшие доверительные отношения сторон. А дядя всегда был сторонником доверительных отношений. Конечно жаль, что я не спрашивал у дяди и том, как он познакомился с Борисом Ионычем Бродским, человеком совершенно неординарным, в том числе судя и по опубликованным о нём воспоминаниям многих известных советских актёров. Источник одного из таких воспоминаний актёр Владимир Этуш, который, оказывается, был однополчанином Бориса Ионыча на фронте. Как вспоминает Владимир Этуш, на войне, командование, узнавшее что Борис Ионыч неплохо рисует портреты поручило ему нарисовать портрет Сталина. Взявшись за работу, Борис Ионыч несколько раз обращался к командиру с просьбой выдать ему для работы несколько литров молока, ввиду того, что белила, которыми нужно загрунтовать полотно, некачественные и, если их не смешать с молоком, портрет вождя может получиться плохо. Получая молоко, Борис Ионыч использовал его по прямому, обычному назначению. В один момент с выдачей молока произошла задержка. Тогда, Борис Ионыч доложил командиру, что у него сломался подрамник, а клей очень плохой, не держит. Клей нужно с чем-то смешать и для этой цели лучше всего подошёл бы творог...

Но вернёмся к немецкому капитану... Расслабившись от бархатного сухумского воздуха, и ничего не подозревая о подстерегающей его береговой неожиданности, капитан подошёл к дому дяди. У дома стояла «Волга», на которой в отсутствии дяди, а нередко и в других случаях, ездил мой отец. Будучи в некоторых вещах человеком ленивым по складу своего характера, отец очень любил этот автомобиль с автоматической коробкой передач, имевшим, соответственно, не три, а две педали. Отец вообще не любил лишних вещей, и по этой же причине, если автомобиль на время оставался в его распоряжении, он снимал с сидений парусиновые чехлы, такие же, по его мнению, лишние, как и третья педаль. Сиденья автомобиля были частично сделаны из кожзаменителя, а так как отец по работе имел отношение к сухумскому кожкомбинату, то обивка сидений, сделанная пусть даже не из натуральной кожи, а из кожзаменителя, хотя и не нравилась ему, но всё же была ближе, чем чехлы из парусины. Во всяком случае, мобилизовывала на предстоящую работу с настоящей кожей. Эх, если бы капитан не так сильно расслабился от бархатного сухумского воздуха, он может и обратил бы внимание на отсутствие парусиновых чехлов, как предупреждение о том, что на этот раз, плавного перехода от привычной морской обстановки к возможным береговым неожиданностям не будет. Но он не обратил на это внимание и позвонил в парадную дверь дома. И отец ему открыл... Последующие события вкладывают в эту фразу особый смысл.

Отец слыл в городе большим весельчаком и острословом. Он хорошо играл на пианино, хорошо играл в бильярд, любил армянский коньяк и не любил «лишний разговор...» Он, конечно, знал о приятельских отношениях брата с немецкими капитанами, но никогда не принимал участия в их разговорах за чашечкой кофе. Во-первых, потому что не знал немецкого языка, а во-вторых, потому что считал, что уж если ты привёл человека домой, а разговор с ним ведёшь только за чашечкой кофе, то это как раз и есть «лишний разговор». Короче говоря, капитан «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» зашёл в дом и за два часа, проведённых с отцом под армянский коньячок, перед каждым чоканьем рюмками на очередное отцовское «Гоп черкес!» на смелом русском языке отвечал: «Вира веселей!» Этот застольный и межзастольный переклич в некоторых сухумских кругах того времени означал не только то, что данное застолье проходит по плану, но и то, что в принципе всё в порядке, звуча как пароль и отзыв. В этом смысле, можно сказать, что в отличии от дяди, мой отец, попадая в хорошо сервированное окружение, правила конспирации соблюдал и всегда использовал этот пароль

при выходе на связь со своим связным и неразлучным другом Фиридуном Искандером, старшим братом писателя Фазиля Искандера.

Между моим отцом и дядей вообще были большие отличия. Например, оба они играли на пианино, но репертуар у них был абсолютно разный. Отец, как правило, предпочитал ресторанный репертуар тех времён: «Ландыши», «Песня первой любви» Рашида Бейбутова, армянские мелодии, ну, и «Мурку», конечно, для соответствующей компании. Игра же дяди чем — то напоминала стиль джазового пианиста ЁРЛ ГАРНЕРА. Более поздняя, молодёжная музыка типа Битлз его не интересовала. В день, когда умер Элвис Пресли, дядя красил дворовую калитку в чёрный цвет. Так совпало. Запыхавшись, ко мне прибежал мой друг по музыкальным предпочтениям и увидев дядю, красившего калитку в чёрный цвет, с подобающей горевестнику печалью на лице, но достаточно громко сообщил ему:

— Дядя Лазарь! Дядя Лазарь! Умер Элвис Пресли, король рок н ролла, кумир западной молодёжи!

— Кто бы мог подумать... очень тихо сказал дядя, не отвлекаясь от работы и продолжая красить калитку. Он только это сказал. Может быть хотел ещё что-то сказать... Но не сказал.

Трудно себе представить, что мой отец мог бы красить калитку, но, если бы на месте дяди в этот день оказался бы отец, он, скорее всего, пригласил бы друга зайти в дом, чтобы помянуть кумира западной молодёжи.

В детстве я увидел, как дядя в Массандре стоит в очереди в столовую с подносом в руке. Эту картинку я пытался перенести на отца, представляя его на месте дяди. Отца в Массандре я ещё мог представить, но, когда дело доходило до столовой и подноса, отец куда-то исчезал и больше не появлялся. Сейчас я понимаю, что такая замена персонажей в столовой у меня не получалась потому, что с образом отца были связаны совсем другие декорации. Помню отца на открытой веранде ресторанчика гостиницы на озере Рица, красный глиссер, ожидающий его внизу, белоснежная скатерть на столе, нарезанные дольки пахучего лимона, выстроившиеся один за другим на блюдечке, как солдатики, ожидающие своего трёхзвёздочного командира и поданная в тарталетке чёрная, но по виду скорее сероватая, как бы немного прозрачная икра, запах которой для меня, ребёнка, был нов и как-то непонятен.

— Умру, запах искать будете, — сказал тогда отец, показывая в сторону икры.

Вот и сейчас, сохраняя привычную для себя декорацию за столом, в элемент которой, как реинкарнация красного глиссера с озера Рица, входил капитан восточногерманского теплохода, скорее всего коммунист, отец принимал гостя, как положено. Помню, как отец позвал тогда меня, семилетнего мальчика, играющего во дворе, познакомиться с немцем. С интересом, но с некоторым, оправданным по фильмам того времени недоверием к немцам я забежал в комнату, чтобы увидеть настоящего немца, оказавшегося в нашем доме. Тогда я очень удивился тому, что на немце не было каски. Не знаю, от коньяка ли или от природы, но немец показался мне слишком розовощёким, что придавало его лицу некоторую самодовольность, напомнившую мне самодовольность дядьки из фильма Сергея Бондарчука «Серёжа», дядьки, угостившего мальчика конфеткой, внутри обертки которой конфетки не оказалось, что очень развеселило тогда этого дядьку. Каким-то родительским чутьём отец почувствовал тогда моё волнение и достал для меня из вазочки, стоящей на столе, настоящую московскую конфету «Мишка косолапый», после чего я, схватив конфету, снова побежал во двор. Несколько раз я забегал со двора в дом в надежде на то, что немецкую каску немец всё-таки откуда-то вытащит и наденет. Но тот не надевал, хотя по всем признакам должен был надеть, потому что в перерывах между «гопчеркесами», отец наигрывал немцу на немецком пианино «GERSTENBERGER» немецкие марши, которые помнил на слух, тоже по фильмам того времени. Немецкие марши отец чередовал с «Шалахо» на армянский манер, и, возможно, каску на немце я так и не увидел, потому что забегал посмотреть на него как раз в тот момент, когда отец играл ему «Шалахо» на армянский манер, мелодия которого, по-видимому, усиливая действие армянского коньяка, расслабляла, если не сказать обезоруживала немца, принуждая его к безоговорочной капитуляции из чего следовало, что каска теперь не нужна, потому что везде уже «Миру-Мир!» и «Шалахо» на армянский манер тому подтверждение.

В те времена «Шалахо» на армянский манер некоторыми ресторанными гуляками заказывался музыкантам, как «Нежный Шалахо». Нельзя сказать, что обычный, классический «Шалахо» сильно отличался от «нежного», но, в отличие от последнего, он был более напористым, если не сказать агрессивным... Армянский же вариант «Шалахо» был более миролюбивым, а на фоне немецких маршей приобретал двойную миролюбивость. Между немецкими маршами и «Нежным Шалахо» отец почти не делал пауз и со стороны могло показаться, что в нашем доме разучивается какой-то особый «Немецкий Шалахо», в хореографический элемент которого входит танец с касками.

Вскоре немец перестал меня интересовать, и я окончательно вернулся во двор играть в «ОБХСС» с соседским мальчиком. По замыслу игры нужно было на машинках возить товар в магазин.

— А это левый товар, — иногда предупреждал Лёвик, научивший меня этой игре.

Что такое «левый товар» я тогда не понимал, да и не интересовался. Меня самозабвенно занимала красная Лёвикина машинка, однако в самый разгар игры Лёвик всегда вдруг резко её прекращал и уходя домой со своей машинкой тихо говорил мне на ухо:

— Всё! Закрывай магазин, ОБХСС идёт...

Что касается отца, то для него это было почти обычное начало дня, утренний распорядок которого, в связи с визитом немецкого гостя не претерпел особых изменений. Для капитана же этот день оказался незабываемым, и уже потом, тепло попрощавшись с отцом и подарив ему, заготовленную для подарка дяде сувенирную настенную тарелочку с изображением теплохода «VOLKERFREUNDSHAFT», капитан, глядя со своего мостика на бухту, пришёл к ясному выводу, что с высоты Сухумской горы обзор может быть и шире, но теплота человеческих отношений определяется не широтой обзора, а их глубиной.

Когда отца уже не стало, мама говорила, что это наше немецкое(!) пианино «GERSTENBERGER» раньше стояло в Новороссийском ресторане и ещё до их женитьбы с отцом, он, каким-то образом, выкупил его у ресторана и привёз на теплоходе «РОССИЯ» в Сухуми. Это было красивое, чёрного цвета старинное пианино с подсвечниками. Сам отец родился в Новороссийске, однако его отношения с конкретным музыкальным инструментом в Новороссийске мне неизвестны, могу лишь предположить, что недалеко от ресторана, в котором стояло пианино, была бильярдная... А вот тому, что это пианино было когда-то выгружено на сухумскую пристань именно с теплохода «РОССИЯ», имеется ещё одно свидетельство, уж точно исходящее не из предположений, а из более очевидного источника, совершенно неожиданного...

Приблизительно в начале двухтысячного года мне сделали внеплановую операцию в Донецке. Утром, на обходе по палатам, рядом с моей больничной койкой присел на стул заведующий хирургическим отделением, седовласый, высокий человек лет семидесяти. Внешность у него была не славянская, а скорее ближе к нашей. Как впоследствии оказалось звали его Мухин Юрий

Владимирович. Доктор медицинских наук, профессор, хирург. Он уточнил мою фамилию и поинтересовался не из Сухума ли я. Когда я ответил, что всё именно так, он сказал, что он тоже сухумчанин. С его слов, в Сухуми он жил недалеко от отцовского дома Фазиля Искандера, знал его по молодости. Так же упомянул, футболиста Никиту Симоняна, как знакомого ему сухумчанина. В юности, в Сухуми он играл в баскетбол, друзьями его были будущие тренеры по баскетболу, сухумчане Владимир Хашба и Александр Седов. Оказывается, в 1947 году он поехал из Сухуми в Одессу поступать в мореходное училище, но приём уже закончился. Однако сухумские друзья по баскетболу порекомендовали ему поступать в одесский медицинский, потому что в этом институте почему-то нужны были баскетболисты. Он поступил, потом там же женился и по распределению его с женой направили в Донецк, который тогда ещё назывался Сталино. Так он в Донецке и остался жить и работать, но в родной Сухум, при возможности всегда приезжал. А тогда, сидя рядом с моей больничной койкой он ещё сказал, что в то время, когда он поступал в институт, его ровесники, мои двоюродные дяди, тоже ехали учиться на врачей в Ростов. Он даже начал называть по памяти их имена. А вот с одним из моих однофамильцев, молодым, с его слов, человеком, он как-то, отправляясь на очередную сессию на учёбу в Одессу, познакомился на теплоходе «РОССИЯ». Не запомнил его имени, говорит, давно было... Но помнит, что тот молодой парень заходил в музыкальный салон парохода поиграть на пианино. И рюмочка конька у него рядом всегда стояла. Они познакомились и до Новороссийска ехали вместе. В Новороссийске этот парень сошёл, сказав, что здесь ему надо купить пианино и на обратном пути погрузить его на пароход (для точности — на дизель-электроход) «РОССИЯ». На том и расстались, больше не виделись. Не Сергеем ли его звали, спросил я.

— Да! Да! Сергей! Сейчас вспомнил!

Я точно понял, что это был мой отец, о чём и сказал доктору. Доктор потом выхаживал меня, как родного. Мы, как земляки, стали близкими друг другу людьми и впоследствии я неоднократно заходил в его гостеприимный дом. Домочадцы Юрия Владимировича вспоминают, что время от времени он напоминал о том, что в медицине, как и в сельском хозяйстве делать всё нужно вовремя... Сейчас Юрий Владимировича уже нет в живых. Очень жаль...

«VOLKERFREUNDSHAFT» медленно разворачивался в сторону открытого моря. Вдруг со своего мостика капитан увидел, что его лайнер шумно

обгоняют два глиссера. В первом были музыканты. Один играл на аккордеоне, другой стучал ладонями по барабану, а третьим был известный сухумский свадебный музыкант, дудукист Мадо. Сейчас он стоя играл на кларнете, извлекая из него мелодию уже знакомого капитану «Шалахо на армянский манер». А со второго глиссера из сигнальной ракетницы, оставляющей в небе длинный красно— оранжевый след, стрелял в воздух сухумский лётчик и всесоюзно известный испытатель парашютов Георгий Каджарян. Рядом с ним из немецкого безобидного пугача «PERFEKTA» в воздух стрелял мой отец. Этот безобидный пугач подарил ему на память близкий друг отца, Николай Кишилов, человек «весьма приятный и обходительный», как характеризовал его в своих воспоминаниях бесценный рассказчик Ираклий Андронников. Отец и меня взял с собой на глиссер, я помню... А вот Смбат Григорьевич, человек широкой души и обширного телосложения, который и подвёз всю эту сухумскую компанию на своём чёрном «Зиме» к уже нетерпеливо пыхтящим у пристани глиссерам, от морской прогулки отказался.

— Лишний груз вам не надо, — сказал он отцу, указывая большим пальцем на свой большой живот. С этим аргументом отец согласился без лишних слов, автоматически вспомнив про отсутствие лишней педали на автомобиле «Волга» с автоматической коробкой передач.

Рассказывали, что как-то, заслуженный лётчик-парашютист Георгий Каджарян, в юбилейный для советских пионеров день, оторвавшись ненадолго от дружеского застолья совершил прыжок с «кукурузника» на территорию пионерского лагеря, где его ожидали выстроившиеся в линейку пионеры. Приземлившись точно перед пионерской линейкой и отстегнув лямки парашюта, он не стал приветствовать пионеров по заранее приготовленной бумажке, а уверенно выдал:

— Товарищи пионеры! В борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте... здоровы!

Иногда, на праздник Победы 9 мая, он, посвящая свой прыжок этому празднику, прыгал на парашюте с кукурузника в море недалеко от ресторана «Диоскурия», на веранде которого за накрытым столом его ожидали друзья. В море Георгия Матевосовича подбирал катерок и доставлял на берег прямо к «Диоскурии», куда он, заблаговременно переодевшись в катере, входил уже в синей форме лётчика.

Увидев в небе над морем красно-оранжевый цвет от сигнальной ракетницы и обгоняющие его лайнер два глиссера, капитан «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» в одном из них сразу узнал отца.

— «GOP CHERKES!», — крикнул ему с мостика капитан и помахал рукой. Отец тоже помахал ему рукой, и глиссера, сбавив на пару минут ход, помчались с музыкой дальше, встречать подходящее к берегу пассажирское судно — турбоэлектроход «Абхазия», тоже трофейное немецкое судно, называвшееся «Мариенбург», потом, в 1954 году получившее название «Ленсовет» и впоследствии, в 1962 году переименованное в «Абхазию» по ходатайству руководства Абхазской АССР. На этом пассажирском судне моя мама, вместе с родственниками сопровождала невесту из Батуми. Вечером должна была состояться свадьба племянника отца, вот отец и решил организовать весёлую встречу невесте и своей жене. А заодно и проводить немецкого капитана как положено.

А через пятьдесят лет, прошедших после тех событий, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Абхазия, Семён Вячеславович Григорьев наградил племянника отца, заслуженного врача-невролога Республики Абхазия, Ивана Николаевича Магакяна и его жену, ту самую «невесту из Батуми», медалью «За любовь и верность».

Но тогда, «ДРУЖБА НАРОДОВ», уже на всех сухумских парах уходила в открытое море, держа курс на Кубу.

В двадцатых числах октября 1962 года, «VOLKERFREUNDSHAFT», под флагом ГДР со студентами на борту, вошёл в Карибское море. В самый разгар Карибского кризиса. А с 10 часов утра 24 октября (что следует из источников) ВМС США начали проводить полную блокаду судов, следовавших в Карибское море. Охота велась за советскими танкерами, перевозившими на Кубу ракеты. Американские эсминцы вместе с крейсером «NEWPORTNEWS» искали советский танкер «БУХАРЕСТ». 25 октября 1962 года «ДРУЖБА НАРОДОВ» была перехвачена американскими блокадными отрядами. В частности, капитан американского эсминца «John.Piers» DD753, обнаружив «ДРУЖБУ НАРОДОВ», подумал, что это очередной советский танкер. Разобравшись, что это не так, эсминец всё же, до 22 часов 34 минут (что также следует из источников), продолжал сопровождать немецкий пассажирский лайнер, после чего было принято решение позволить ему

пройти курсом на Кубу. И это было единственное в то время судно, которому американцами было позволено дойти до кубинских берегов.

Пережив несколько не самых приятных часов в своей жизни, ровно в 23 часа вечера (что следует не из источников, а из предположений) 25 октября 1962 года капитан теплохода «VOLKERFREUNDSHAFT» откупорил в каюте подаренную ему в Сухуме бутылку армянского коньяка, налил рюмку, выпил, и отдавая самому себе честь в отражении зеркала, громко выпалил: «GOP CHERKES!»